

I

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова

**XVI КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ**

Материалы конференции
(г. Архангельск, Поморский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
9–12 сентября 2008 года)

Часть I

*При поддержке проектов
Российского фонда фундаментальных исследований (№ 08-06-06110-г),
Российского гуманитарного научного фонда (№ 08-01-14034-г)
и регионального проекта Российского гуманитарного научного фонда
и администрации Архангельской области (№ 08-01-48181-г/С)*

Москва – Архангельск
2008

Как элемент скандинавского женского можно рассматривать булаву в виде изогнутого стержня с проволочным с завязанными концами колечком из культурного слоя внутри Благовещенской церкви в г. Витебске (Бубенько 2004). Предположительно, артефакт относится к J 238 и имеет аналогии в Швеции, на Готланде и в Старой Ладогe (Petersen 1928; Кирпичников 2002).

Образцом скандинавского ювелирного ремесла является серебряная литая прорезная подвеска с изображением зооморфной фигуры в стиле Борре, обнаруженная при раскопках курганного могильника у д. Избище в окрестностях Минска (Штыхаў 1992). Предположительно, украшение находит аналогии среди подвесок с так называемыми псевдоушками из материковой Швеции, отчасти Дании и Норвегии, а также Древней Руси, где период их бытования приходится на середину – конец X в. или конец X – начало XI в. (Лесман 2003).

К редкому типу ювелирных изделий относится круглая серебряная подвеска, в виде миниатюрного щита, найденная при раскопках могильника у д. Пашковичи (Центральная Беларусь) (Заяц 2006). Подобные подвески, символизировавшие один из предметов вооружения, выступали в качестве скандинавских языческих амулетов и представлены, главным образом, в Средней Швеции в материалах конца IX – первой половины XI вв., а также на территории Древней Руси, где большинство экземпляров датируется серединой – второй половиной X в. (Новикова 1998).

Северное происхождение имеет фрагмент литого ладьевидного браслета типа P 184 из Витебска (Бубенько 2004), а также фрагменты подобных украшений из курганных погребений у д. Озерцо (окрестности Минска) и д. Устье (Браславское Поозерье) (Штыхаў 1992.; Дернович, Плавинский 2004). Такие массивные браслеты имеют широкие параллели в Скандинавии, а также встречаются в Финляндии, Прибалтике и на северо-западе Руси в IX–XI вв. (Arbman 1940; Kivikoski 1973; Левашева 1967).

Вероятно, как развитие североевропейских традиций следует рассматривать использование местным населением других предметов, представленных единичными находками. Такими как, монетовидные подвески, орнаментированные изображениями волют, найденными при раскопках в Заславле и поселении на р. Менка (окрестности Минска) (Штыхов 1978); подвеска с изображением «молоточка Тора» из курганного погребения X–XI вв. в Заславле

(Заяц, 1995); амулет с «молоточком Тора» из Витебска (Еремеев 2005); две железные шейные гривны, перекрученных в нескольких местах, из курганных погребений в Заславле и у д. Ст. Село (окрестности Витебска) (Ляўданскі 1928; Еремеев 2005); антропоморфные подвески из курганных могильников XI в. у дд. Лудчицы и Колодезская в Могилевском Поднепровье (Фурсов 1895; Петренко 1970).

Среди других материалов необходимо выделить три серебряные гривны в составе денежно-вещевых кладов у дд. Добрино и Поречье (младшие монеты 841/842 г. и 851/852 г., соответственно) (Рябцевич 1965), клад из шести золотых браслетов, случайно обнаруженный в Полоцке на территории Нижнего Замка (АiН 1993), а также находки подковообразных фибул различных типов, которые в X–XI вв. становятся органичной частью местной культуры.

В заключение следует отметить, что представленный материал в достаточной степени отражает распространение и развитие североевропейских ювелирных изделий среди местного населения территории Беларуси в эпоху викингов.

*Ениосова Н.В., к.и.н.
(Москва)*

ФИБУЛЫ ТИПА «ТЕРСЛЕВ» НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Украшения, декорированные в стиле «Терслев», появляются на юге Ютландии в первой четверти X столетия под влиянием прикладного искусства Каролингов. Они получили название по крупнейшему кладу эпохи викингов, найденному в 1911 г. в Дании (Skovmand 1942). В эту представительную группу входят такие предметы женского убора как подвески к ожерелью и фибулы, скреплявшие ворот нижней рубашки или туники. Разные по функциональному назначению, конструкции и размерам (от 1,5 до 4,5 см) изделия объединяет мотив орнамента – волюты, образующие замкнутую композицию, техника изготовления и материал. Все украшения этого круга выполнены из серебра или золота с помощью соединения двух пластин – гладкой и рельефной. На верхней выкладывался орнамент из проволоки различной длины и

сечения и шариков зерни. Из нижней пластины формовали ушки подвесок, на ней крепились держатель и приемник иглы фибул, а также петля для подвешивания дополнительных мелких украшений на колечке или цепочках.

К настоящему времени известно 10 подвесок этого типа, 9 из которых обнаружены в кладах Дании, некрополе и гавани Хедебю на территории Шлезвига в Северной Германии. Единственный экземпляр за пределами Скандинавии – из польского клада (Piaski) в окрестностях Щецина (Eilbracht 1999).

Фибулы «Терслев» в форме выпуклых дисков получили более широкое распространение. Более 50 экземпляров встречены в погребениях и кладах Шлезвига, Дании и южно-шведской провинции Сконе, на островах Оланд и Готланд, в центральных и северных провинциях материковой Швеции и Норвегии. Из южной Скандинавии происходит не менее 10 выпуклых штампов – матриц для изготовления верхней пластины украшений этого типа. Они свидетельствуют о нескольких центрах производства, действующих на этой территории во второй половине X в. (Duczko 1995; Armbruster 2002; Jørgensen 2003). Приблизительно 6 фибул найдено в Померании, Восточной Пруссии и Польше (Duczko 1985).

На территории Древней Руси обнаружено 8 серебряных фибул типа «Терслев»: в гнёздовских, владимирских и седневских курганах (5 экз.), кладах (клад Собачьи горбы, Новгородская обл.) и гнёздовском комплексе 1940 г., обнаруженном на Центральном городище. Один экземпляр найден случайно в западной части гнёздовского селища.

Единственная фибула этого списка – из владимирских курганов, принадлежит к классическому варианту изделий в стиле «Терслев» с орнаментом из четырех волют и крестом в центральной части украшения. Находки из Седнева и Собачьих горбов сохранились фрагментарно. Два чрезвычайно близких друг другу гнёздовских экземпляра относятся к исключительно редкому варианту с тремя волютами и треугольной фигурой в центральной части диска. Помимо Верхнего Поднепровья золотые экземпляры с аналогичным мотивом встречены в камерном погребении 2 некрополя Хедебю и кладе Эриксторп в шведской провинции Эстерьетланд. Серебряное украшение этого типа происходит из клада на острове Зеландия.

От большинства фибул типа «Терслев» гнёздовские украшения отличаются одночастной конструкцией – сканно-зерненный орнамент напаян непосредственно на выпуклую пластину, лишённую рельефа и перфорации. На ее оборотной стороне крепились приспособления для иглы и петля для дополнительных аксессуаров. Характерной особенностью гнёздовских украшений является также выпуклая аметистовая вставка в центральной части, обрамленная треугольниками с регулярной зернью. Аналогично оформленные гнезда под вставки есть только на трех шведских экземплярах: из клада в провинции Хэльсингланд (Torsta) и двух погребений Бирки.

Нельзя исключить, что гнёздовские фибулы, выполненные в типичной северной технике, сделаны одной рукой в мастерской Южной Скандинавии, обслуживающей представительниц высшего слоя скандинавского общества. Об их высоком статусе помимо стоимости металла украшений и высочайшего качества работы свидетельствует погребальный обряд: почти все фибулы обнаружены в исключительно богатых камерных погребениях (Хедебю, Тумбю-Бинебек, Бирка). Из камерной ингумации Ц-198 третьей четверти X в. происходит и гнёздовская фибула типа «Терслев».

Третий экземпляр из Гнёздова по конструкции основы, состоящей из гладкого и рельефного дисков и центральной вставки, оформлению застежки, употреблению бессистемно напаянной зерни и декорированной проволоки соответствует скандинавской традиции. Однако трактовка мотива «Терслев» свидетельствует о попытке неумелого воспроизведения чужого орнамента. Волюты больше напоминают очертания птицы, центральная фигура в виде креста сделана из отдельных пластинок с напаянными сканными проволочками. На культурную принадлежность ювелира, возможно, указывает бордюр из 24 треугольников, расположенных по периметру верхнего диска и составленных из 6, 10 или 15 шариков зерни. Регулярная зернь, образующая геометрические фигуры, является характерным признаком славянского искусства зерни и скани. Схожий экземпляр с геометрическим бордюром из зерни, сохранившийся фрагментарно, происходит из Владимирских курганов. Там же найдена и самая крупная фибула этой серии, сделанная из одинарного серебряного тисненого диска. Она лишена признаков славянской зерни, но трактовка мотива волют как изображения геральдической птицы сближа-

ет ее с гнездовским украшением. Вероятно, в одном из этих регионов Древней Руси работали ювелиры, производящие украшения-гибриды. К кругу их изделий, возможно, принадлежат подвески с птицей из Владимирских курганов и гнездовскогоклада 1867 г.

*Е.С. Зубкова, О.В. Орфинская, к.и.н.
(Псков, Москва)*

ТЕКСТИЛЬ ИЗ КАМЕРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ ПСКОВА (РАСКОПКИ 2006 г.)

Летом 2006 г. в Пскове, при охранных археологических раскопках в южной части Окольного города (руководитель Е.А. Яковлева) выявлено третье скандинавское погребение в камере. Первые два были обнаружены ранее, в 2004 г. (№ 1 – раскопки Е.А. Яковлевой; №2 – раскопки А.В. Михайлова). Погребения совершены в середине X – начале XI в.

Объектом данного исследования явился почвенный монолит со следами текстиля, изъятый из-под остатков пола камеры. Расчистка и разборка почвенного монолита размером 0,3 × 0,26 м проводилась в камеральных условиях в несколько этапов. После его полной разборки были выявлены: остатки дна берестяного короба, 11 деталей (или их фрагментов) одежды, две овальные фибулы.

Опираясь на данные различных анализов, удалось выделить несколько типов тканей и отождествить их с двумя группами: I – ткани из растительных волокон, II – ткани из шелковых волокон. Кроме того, было установлено, что детали, выполненные из шелка, с изнаночной стороны покрыты тонким слоем деструктированной полотняной ткани. В то же время, все соединительные швы открыты и не обработаны с изнанки, тогда как края деталей тщательно обработаны. На всех деталях из шелка четко читаются следы проколов иглой и остатки пришивных нитей.

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что шелковые детали являлись накладными и были нашиты на некое изделие из полотняной ткани. Тщательный анализ всех полученных при исследовании данных позволяет уверенно утверждать, что в берестяном коробе находился комплект женской одежды, состоявший из двух предметов, сшитых из тонкой полотняной ткани.

окрашенной в синий цвет. Первое из них (условно именуемое) – рубаха, с которой связываются детали № 3, 5, 7 и 10. Последние представляют собой остатки ворота, отделанного по краю тонким руликом. Детали № 3 и 5 из шелковой ткани – манжеты, по всей видимости, украшавшие длинные, зауженные книзу рукава рубахи.

Второе изделие (также условно названное) – сарафан. С ним связываются детали № 6 и 8. Деталь № 6, сшитая из нескольких полос шелковой ткани, являлась отделкой верхнего края сарафана. Ее широкая центральная часть была пришита к переду, переходя на спинку узкой полосой. Спереди на равных расстояниях от середины изделия к верхнему краю сарафана были пришиты петли из льняной ткани. Одна из них (деталь № 8) сохранилась полностью, вторая фиксируется по следам от проколов иглой и остаткам пришивных нитей. К спинке сарафана были пришиты бретели, оканчивавшиеся петлями. Места их пришивания фиксируются на задней части детали № 6 в виде проколов от иглы и остатков пришивных нитей. Через петли пропускались иглы скорлупообразных фибул (остатки петель фиксировались на иглах обеих фибул), которые, скрепляя переднюю и заднюю части, позволяли удерживать сарафан на фигуре. По подолу сарафан мог быть отделан шелковой полосой (детали № 1, 2, 4).

В настоящее время существует несколько вариантов реконструкции женского костюма эпохи викингов, которые предложены в разное время такими исследователями как А. Gejer (1938), М. Hald, I. Hägg (1974, 1984), F. Bau (1982) и др. Анализ материалов преимущественно могильника Бирки, а также находок из Дании и Норвегии подтверждает возможность существования предложенной трактовки псковской находки в целом (сарафан – поверх рубахи или платья). Датировка псковской находки частично укладывается в рамки существования Бирки – одного из крупнейшего торгово-ремесленного центра эпохи викингов в Швеции. Однако в вопросах реконструкции детали костюма, условно названной сарафаном и известной в зарубежной литературе как «аргон» есть некоторые расхождения. Возможно, псковская находка позволит в значительной степени устранить их. Не исключено и то, что она представляет собой один из вариантов «аргон», изготовленного под влиянием местных традиций.

Подробное изучение всех шелковых деталей показало, что они выкроены из разных, отличающихся по качеству тканых кусков.